

Столь низкая творческая продуктивность в сравнении с весьма плодотворным предшествующим периодом, по всей видимости, объясняется биографическими, бытовыми обстоятельствами. В ноябре 1823 года Коншин вышел в отставку «с повышением», дающим право на чин коллежского ассессора, и вскоре вступил в статскую службу: в 1824–1825 годах он числился в костромской казенной палате и, располагая весьма ограниченными средствами, вынужден был посвящать большую часть времени служебной карьере, чтобы обеспечить достойную жизнь своей семье (в сентябре 1824 года Коншин женился на дочери генерал-майора Авдотье Яковлевне Васильевой). К тому же к началу 1824 года Коншин реализовал ту социальную стратегию, которую сформулировал для себя еще в конце 1810-х годов: получив дворянство и нужный офицерский чин, он оставил военную службу,⁴⁶ успев при этом составить себе и литературную репутацию, которая способствовала служебному и социальному продвижению.

Таким образом, как видно на примере Коншина, ВОЛРС не только решало литературно-просветительские задачи, но и было значимым социальным институтом. Участие в «ученой республике» стало для Коншина важным этапом в начале творческого пути, когда формировались его личностная и литературная идентичность, связанные с идеологией институционального сообщества и дружеского круга, принадлежности к которому он будет искать и в дальнейшем. В конце 1820-х — начале 1830-х годов Коншин сблизится с молодыми литераторами, группировавшимися вокруг Дельвига, а в конце 1840-х будет заниматься археографическими разысканиями, подготовит несколько публикаций для Императорского Московского общества истории и древностей российских и на почве интереса к средневековой русской истории установит связи с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и Н. М. Языковым.

⁴⁶ Впоследствии сходным образом поступит и литературный наставник Коншина Баратынский: получив долгожданный чин прапорщика в апреле 1825 года, он отправится в четырехмесячный отпуск, а в декабре подаст прошение об отставке (Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 157, 163, 169).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-142-151

© А. А. Карпов

А. С. ПУШКИН У О. И. СЕНКОВСКОГО («ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ БАРОНА БРАМБЕУСА»)

Беллетристические отклики Сенковского на произведения Пушкина не раз привлекали к себе внимание исследователей творчества обоих авторов. Кажется, первое по времени наблюдение такого рода принадлежало В. А. Каверину и касалось опубликованной в начале 1833 года «статьи» Сенковского «Незнакомка».¹ В сумбурном многоголосном разговоре посетителей книжной лавки с торговцем Каверин выделил обмен репликами, практически уравнивающими пушкинский роман в стихах и одно из сочинений лубочного писателя Александра Анфимовича Орлова: «Извините, сударыня, все экземпляры „Онегина“ разобраны. — Так дайте мне „Угнетенную Невинность, или Поросенок в мешке“».² Нетрудно заметить, что комичное сближение Сенковским двух очевидно не равнозначных произведений представляет собой зеркальное отра-

¹ Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 51.

² Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Незнакомка. Статья для моего хозяина // Новоселье. СПб., 1833. С. 32–33.

жение полемического приема Пушкина, который в своем памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831) уравнивал роман Булгарина «Иван Выжигин» с трагедийными «Выжигиными» Орлова,³ представляя этого «классика» низовой литературы достойным соперником знаменитого прозаика и журналиста.

Косвенное обвинение Пушкина в несправедливой оценке все того же романа Булгарина содержит и другой пассаж «Незнакомки». Превознося «Ивана Выжигина» в качестве одной из вершин русской сатирической литературы, ставя его рядом с «Горем от ума» Грибоедова, Сенковский упрекает критиков Булгарина (к числу наиболее активных из них принадлежал Пушкин) в несправедливости: «Вы кричите против двух этих произведений <...>?.. Кричите, кричите! — тем не менее, они сделали большой переворот в ваших нравах и понятиях».⁴

Оскорбительным по отношению к одной из знаменитых «южных» поэм Пушкина был фрагмент «Незнакомки», включающий «Цыган» в ряд явлений русской массовой ультраромантической литературы: «Прежние наши гости, вновь выходявшие русские книги, были вообще особы хорошего тона и строгих правил <...> теперь большею частью приходят к нам (т. е. в библиотеку для чтения Смирдина. — А. К.) Цыганы, воры, игроки, черти, колдуны, ведьмы, каторжные и непотребные женщины. О времена!.. О словесность!..»⁵

Новый выпад Сенковского против Пушкина относится уже к эпохе их открытой конфронтации, наступившей после того, как поэт принял решение о выпуске собственного периодического издания. В повести Сенковского «Записки домового» черт журналистики Бубантес, рассказывает: «...в нашем городе есть одна упавшая репутация, которая издает новую книгу: решено было поднять ее и поставить на ноги. Собралось человек тридцать ее приятелей, все из литераторов. Когда я пришел туда, они миром поднимали ее с земли, за уши, за руки и за ноги. <...> Ни с места! Ну, любезнейший, ты не можешь себе представить, что значит упавшая литературная репутация! В целой вселенной нет ничего тяжелее».⁶ «Упавшей литературной репутацией, — комментирует приведенный фрагмент Каверин, — была в середине 30-х годов репутация Пушкина», а под новой книгой, которую намерился издавать поэт, подразумевается его будущий журнал «Современник».⁷

Наибольшее внимание исследователей литературных отношений Пушкина и Сенковского традиционно привлекают три произведения последнего, опубликованные в «Библиотеке для чтения» в 1835–1836 годах под псевдонимом «А. Белкин», скандально соединившим имя пушкинского циклизатора с инициалом создателя этого образа, — «Потерянная для света повесть», «Турецкая цыганка» и «Джулио» (в последнем

³ Орлов А. А. 1) Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его, племя с тетками, дядями, тестем и со всеми отродками. Нравственно-сатирический роман: В 4 ч. М., 1831; 2) Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина. М., 1831; 3) Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина. Сатирический роман. М., 1831, и др.

⁴ Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Незнакомка. С. 15.

⁵ Там же. С. 25–26. «Цыганы, воры, <...> каторжные и непотребные женщины» — это, конечно, новые соседки «Незнакомки» по книжной полке поэмы «Цыганы» и «Братья-разбойники» Пушкина, а также «Наложница» Баратынского («...при первом разговоре они сами объявили мне, что одна из них „Разбойник“, а другая „Наложница“. Прошу покорно вообразить мой стыд, ужас, негодование!..» (Там же. С. 26)). Аналогичный прием дискредитации ранее использовал Булгарин, в «сатирической повести» которого «Предок и потомки» проспавший двести лет во льду столыжник царя Алексея Михайловича Свистушкин узнает, что его далекий потомок, поэт Никандр Сергеевич Свистушкин, является автором «двух тоненьких книжонок», одна из которых называется «Воры» (имеются в виду «Братья-разбойники»), а другая — «Жиды» (подразумеваются «Цыганы») (Булгарин Ф. Соч. СПб., 1830. Ч. 12. С. 57–59).

⁶ Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Записки домового. Рукопись без начала и без конца, найденная под голландскою печью во время перестройки. Статья первая // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. Отд. I. С. 32–33.

⁷ Каверин В. Барон Брамбеус. С. 82.

случае в качестве соавтора псевдо-Белкина указан активный участник «Библиотеки», представитель русского «низового» романтизма А. В. Тимофеев). Однако в рамках выделенной темы не меньший интерес представляет и самое известное сочинение Сенковского — вышедшие в свет в 1833 году «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса».

Книга Сенковского-Брамбеуса состоит из четырех частей. Первая из них — «Осенняя скука» — мотивирует желание автора-повествователя совершить свои «фантастические» поездки. Далее следуют описания трех видов подобных вояжей: «Поэтическое путешествие по белу-свету», «Ученое путешествие на Медвежий остров» и «Сентиментальное путешествие на гору Этно».⁸

К «Поэтическому путешествию по белу-свету» Брамбеуса побуждает жажда «сильных ощущений», пробудившаяся в нем под воздействием «творений новой поэтической школы», — мечта «о страшном, мрачном, отвратительном, ужасном» (с. 6). Так, уже с первых страниц книги обнаруживается ее литературно-полюемический характер, связанный с критикой не только современных французских («неистовая словесность»), но и русских авторов.

Истинную поэзию повествователь вначале находит в опасном двухнедельном «плавании» на бричке по океану грязи во время своего «поэтического путешествия» «из Малороссии, чрез Новороссию, на край всея Руси, в Одессу». «Теперь я постигаю поэзию грязи, которую малороссыяне так страстно любят переносить в свои романы,⁹ — заявляет Брамбеус. — Если когда-либо ворочусь в Петербург, то сочиню роман в стихах, то есть поэму, в которой напишу грязью величественную картину моего странствования и моих ощущений» (с. 15). Исследователь литературы путешествий А. Шёнле справедливо обнаруживает в приведенной цитате явную отсылку к одной из «одесских» строф «Отрывков из Путешествия Онегина»:¹⁰

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать, в Одессе грязной —
И тут бы, право, не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд,
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.¹¹

⁸ [Сенковский О. И.]. Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб., 1833. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. Здесь и далее курсив мой. — А. К.

⁹ Возможно, Сенковский имеет в виду роман В. Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825) («Ужасная гроза свирепствовала на летнем полуденном небе. <...> В сие время <...> два молодые странствующие философа <...> пробирались по глинистой дороге через лес дремучий. Почти на каждом шаге они останавливались, чтобы <...> смывать со щек и выжать из усов жидкую грязь» (Нарезный В. Т. Соч.: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 316; курсив мой. — А. К.) или же «Монастырку» Антония Погорельского (А. А. Перовского), первая глава которой, недавно опубликованная в «Литературной газете» (1830. Ч. I. № 14. С. 107–109), содержит описание поездки повествователя под дождем, по ужасной дороге, правда, не грязной, а песчаной. Отдельное издание первой части романа вышло в свет в 1830 году (Монастырка. Сочинение Антония Погорельского. СПб., 1830. Ч. 1), в 1833 году роман был опубликован полностью.

¹⁰ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании литературы путешествий, 1790–1840. СПб., 2004. С. 43, 239 (прим.).

¹¹ Пушкин А. Евгений Онегин. Роман в стихах. СПб., 1833. С. 282–283.

Смысл этой аллюзии может быть истолкован различным образом: как попытка повествователя представить свое «поэтическое путешествие» шутливой параллелью странствию пушкинского героя либо как намек на подчеркнутую прозаичность, свойственную и другим строфам «Путешествия Онегина» («Иные нужны мне картины: / Люблю песчаный косогор, / <...> Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи / <...> Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака. / <...> Порой дождливою наведни / Я, завернув на скотный двор...»).¹² С другой стороны, планы Брамбеуса «написать грязью роман в стихах» могут восприниматься и как пародийная характеристика *всего* произведения Пушкина, якобы уже осуществившего нечто подобное. Такую интерпретацию косвенно подкрепляет провозглашение (в той же части «Фантастических путешествий») Виктора Гюго — автора «Собора Парижской богоматери», включающего несколько глав, рисующих низменные стороны жизни, — творцом «поэзии помоев». ¹³ Если принять эту версию, то пародийная техника Сенковского предстанет как карикатуризация чужого текста, гиперболизация черт, присутствующих в упоминаемых или подразумеваемых произведениях в значительно более слабом виде и ином функционально качестве. Именно так он поступает, приписывая роману Погорельского «Монастырка» гипертрофированное внимание к низменным подробностям быта¹⁴ или говоря о творчестве Бальзака, якобы основывающего свои «псевдофилософские» построения на поверхностных наблюдениях над «грязными», «примитивными» сторонами жизни и проявлениями человеческой природы.¹⁵

Более определенное истолкование предполагает заключенная в «Поэтическом путешествии» аллюзия на другое пушкинское произведение — «Пир во время чумы», незадолго перед тем опубликованный в альманахе «Альциона». Оказавшись в Константинополе, Барон влюбляется в «божественную коконницу» (т. е. барышню) Дуду (с. 44). Однако долгожданная встреча с ней принимает неожиданный оборот: выясняется, что красавица смертельно больна: «Наши уста встретились в первый раз в жизни. <...> Трепеща от радости, от восторга, от блаженства, от роскошного смятения и судорожно прижимая к сердцу любезную, я мог произнести одно только слово — слово, в котором было сосредоточено, сжато и заключено все мое существование, — слово: — Я счастлив!

— Я зачумлена!.. — сказала она, дрожа и пряча за моим лицом свои пламенеющие ланиты» (с. 59–60).

¹² Там же. С. 279. Впервые: *Пушкин А.* Отрывок из VIII главы «Евгения Онегина» // Литературная газета. 1830. 1 янв. Т. 1. № 1. С. 2–3.

¹³ Облитый из окна нечистотами в тот момент, когда он спешит на свидание, Барон восклицает: «Наконец, увидел я, что утопаю в поэзии помоев. <...> Моя любовь обдана кипятком!.. <...> Счастье мое засорено бараньими костями, куриными перьями, кусками мяса, луку, моркови, капусты!.. Прочитайте несколько глав неподражаемого романа „Церковь Парижской богоматери“, ежели хотите получить ту *высокую тошноту*, какую ощутил я, углубляясь взором и мыслью в подробности *романтического* моего приключения. Я долго смотрел на себя, погруженный в отвлеченное созерцание *мерзости*» (с. 55).

¹⁴ «Я <...> ничего не примечаю, кроме арбузов, блох и клопов, которых можно найти и в „Монастырке“» (с. 12).

¹⁵ «Среди мечтаний и сладких надежд, на повороте одного темного переулка я неожиданно попался в собачье сражение. Собаки смежной улицы поссорились за выброшенную в окно кость с соплеменниками своими, живущими на мостовой переулка, ополчились на них поголовно и напали с намерением завоевать их отечество. Как жалко, что тут не было со мною г. Бальзака! Вот глава для философского романа!.. Здесь он нашел бы, немножко *покопавшись в грязи*, первоначальное понятие о собственности, отечестве и войне. Но между тем, как я сожалел об отсутствии великого наблюдателя в желтой обертке, обе враждующие стороны, оставив кость, накинудись на меня с неслыханным ожесточением» (с. 50–51). Яркий пародийный характер имеет и намек Сенковского на сборник «Кукарача» («La Coucaratcha», 1832) еще одного представителя литературы «юной Франции» — Эжена Сю: во время своего морского путешествия Брамбеус задумывает «состряпать морской роман» в четырех томах под «бурным заглавием» «Куракакубарабурачья» (с. 31) (см.: *Дроздов Н. А.* Французская «нейстовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 145–146).

Роковое признание не умаляет любовного пыла Брамбеуса: «— Ангел мой! — воскликнул я, плача, подобно ей, — наша судьба решена. Поцелуй меня еще раз: мы умрем вместе. Я воображаю себе всю прелесть умереть от чумы на твоих устах, испить смертельный яд из твоего дыхания» (с. 61).

Нетрудно увидеть, что приведенные слова Барона представляют собой реминисценцию из пушкинского «Пира во время чумы»: «...девы-розы пьем дыханье, — Быть может... полное чумы»,¹⁶ что уже было отмечено и лаконично интерпретировано А. Е. Новиковым. «Монолог барона Брамбеуса, произносимый в объятиях зачумленной коконицы Дуду, — пишет он, — пародирует мысль Пушкина об упоении, находимом и в „дуновении чумы“, получившем воплощение в „Гимне <...>“ Вальсингама».¹⁷ Однако характер осуществленной Сенковским трансформации источника нуждается в более подробном комментарии.

Экзальтированное восклицание влюбленного Брамбеуса, намеревающегося испить «полный чумы» поцелуй Дуду, представляет собой не только ироническую парافразу знаменитого гимна Вальсингама, парадоксально поэтизирующего «неизъяснимы наслажденья» всем, «что гибелью грозит».¹⁸ Доводя его пафос до абсурда, Сенковский издевательски натуралистично реализует романтическую метафору «смертельного поцелуя»: «Не станем, друг мой, сожалеть о жизни: она, быть может, приготавлила нам чашу укусу и желчи. Подумай, какое счастье, какое неземное ощущение: мы еще живы и уже разлагаемся внутри наших тел!.. мы тут говорим с тобою о наших чувствах, обожаем, клянемся вечно обожать друг друга, и уже мертвы, уже гнием, и наши внутренности, наши сердца превращаются в смрадную гробовую материю!.. Поцелуй меня еще раз!.. еще раз!.. и еще!.. Теперь одного лишь остается желать — чтоб немногие предоставленные нам минуты жизни могли мы посвятить ласкам нашей страсти, а с последним поцелуем расплыться в гной, который люди подберут осторожно и выкинут с отвращением... — Ты страждешь, любезная Дуду?..

— Нет, я очень, очень счастлива!.. — отвечала она с восхищением.

И все эти слова были прерываемы частыми, сильными, *раскаленными сугубым огнем* любви и чумы, поцелуями, а последние поцелуи были расторгнуты внезапным кружением голов и смертельною тошнотою» (с. 61–62).

В «Поэтическом путешествии» реализуется и другая романтическая метафора — «пламенная страсть»: пылки лобзанья Барона и Дуду становятся причиной знаменитого константинопольского пожара 1820 года, свидетелем которого Сенковский стал во время своего восточного путешествия.¹⁹ «Наши души, чувства, мысли, — пишет Брамбеус, — вдруг соединились с такою же жадностью, с таким же кипением, <...> как серная кислота с известью, и образовали одну плотную массу любви и счастья. Мы молчали, горели, были без памяти, <...> и только чувствовали, что нам жарко и приятно. <...> Мы с коконицей Дуду сожгли нашей любовью 9580 домов» (с. 56–57).

«Смертельная» во всех смыслах любовь Барона к Дуду наконец-то полностью удовлетворяет его потребность, как он заявлял в начале «Поэтического путешествия», «согреть душу новыми, неизвестными ей чувствами, упоиться выспременно, недоступною для обыкновенных умов сладостью» — подсказанными литературой «юной Франции» наслаждениями. «Прелесть умереть от чумы <...>, испить смертельный

¹⁶ Пушкин А. С. Пир во время чумы // Альциона. Альманах на 1832-й год / Изд. бароном Розеном. СПб., 1832. Стихотворения. С. 28. Курсив мой. — А. К.

¹⁷ Новиков А. Е. Пушкин и Сенковский (К постановке проблемы) // Пушкин и русская культура: Доклады на Междунар. конф. в Новгороде (26–29 мая 1996 г.). СПб.; Новгород, 1996. С. 107.

¹⁸ Пушкин А. С. Пир во время чумы. С. 28.

¹⁹ «Однажды — могу похвастаться, — вспоминал впоследствии Сенковский о своем давнем пребывании в Турции, — удалось мне видеть <...> такой великолепный пожар, какому в тех странах, после пожара Трои, не бывало подобного: восемь тысяч домов горело вдруг, одним пламенем <...> в виду золотых куполов и крыш серая. Зрелище невообразимое и невыразимое!» ([Сенковский О. И.]. Листки барона Брамбеуса. СПб., 1858. Ч. 2. С. 769–770).

яд» (с. 61), которым полно дыхание пораженной болезнью возлюбленной, естественно вписывается в ранее приведенный повествователем перечень аномальных «восторгов», наполняющих сочинения писателей «неистой школы»: «...я воображал себе роскошь быть посаженным на кол; иногда мне хотелось скитаться по свету с отсеченным языком и руками и сочинять стихи в этом положении или видеть себя заживо запертым в гробу и съеденным червями <...> — или, затворясь в больнице неизлечимых, быть схваченным вихрем кашля, стона, колик, <...> ран, гноя, паралича, падучей болезни и антонова огня <...> — или провалиться внутрь кладбища и лежать среди бесчисленных остовов на груде перебитых черепов и ребр, тогда как по мне плясали бы мертвецы, черти, ведьмы, вампиры, змеи, ящерицы, жабы и все, что составляет прелесть жизни, прекрасное и высокое в природе <...> Тогда, по крайней мере, <...> я <...> был бы <...> приятно измучен, растерзан и счастлив» (с. 6–7).²⁰ Тем самым автор пародийно интерпретированного фрагмента «Пира во время чумы» включается в ряд «неистовых» певцов кошмарного, разрушительного...

Основную часть «Сентиментального путешествия на гору Этну» — заключительного раздела книги Сенковского — составляет описание подземных приключений Барона, попавшего вглубь нашей планеты через жерло вулкана. Однако в связи с темой настоящей статьи особого внимания заслуживает другая часть текста — рамочный рассказ о *наземных* итальянских похождениях Брамбеуса. В нем идет речь о внезапном браке Барона, его скорой и продолжительной разлуке с женой, затем о новой — неожиданной и невероятной — встрече поначалу не узнающих друг друга супругов, возникшей между ними симпатии, их соединении... Связь общей схемы изложенного сюжета с историей отношений героев пушкинской «Метели» — Бурмина и Марьи Гавриловны — кажется вполне очевидной. Это впечатление подкрепляется и сходством многих ситуаций, мотивов, деталей обоих произведений.

Ретроспективно оценивая свой проступок — женитьбу на незнакомой девушке — Бурмин считает его проявлением преступного легкомыслия, непростительной шалости

²⁰ Н. А. Дроздов следующим образом раскрывает намеки, содержащиеся в приведенной цитате: «Сенковский практически приводит опись мотивов современной французской прозы: чахоткой болеет чуть ли не каждый второй персонаж, на кол сажали одного из героев „Мертвого осла и гильотинированной женщины“ <Ж. Жанена>, язык и руки отрубали поэту в „Изувеченном“ Сентина <...>, картины гроба и червей отсылают к роману А. Карра „Под липами“, а больницы и страшные смертельные болезни встречаются в „Молодой маркитантке“ С. Макера. Несмотря на возможность соотнести почти каждый указанный мотив с первоисточником, для Сенковского важнее создать некую объемную панораму „юной словесности“, включающую в себя целый набор отличительных признаков. Нагнетание большого количества узнаваемых мотивов становится типичным приемом „Фантастических путешествий Барона Брамбеуса“, призванным обозначить главных „врагов“ благонамеренной и пристойной литературы: „Я кричал, визжал, прыгал вверх на аршин и приходил в иступление. Что значит быть без рук и без языка!.. Вздор — мучения человека, приговоренного к смерти, в последний день его жизни!.. Что за мудреная уловка удавить свою жену для сильнейшего выражения угрызения совести или при всяком новом желании видеть кусок ослиной кожи уменьшающимся в его объеме и чахотку усиливающейся в своей груди!..“ (<с. 35>). Помимо уже упоминавшегося романа Сентина Сенковский ссылается здесь на „Последний день приговоренного к казни“ В. Гюго, „Исповедь“ Жанена и „Шагреневую кожу“ Бальзака, то есть на ключевые произведения „неистой словесности“» (Дроздов Н. А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. С. 141). В рецензии на русский перевод романа Сентина Сенковский писал: «Когда недавно французская словесность или книжная торговля объявила премию тому, кто выдумает ужаснейшее истязание для человека, некто г. Сентин, весьма посредственный писатель, <...> перецеголял всех тогдашних чернильных палачей, представив словесности или торговле юношу, разумеется, поэта <...> с бурным сердцем и высокими поэтическими вдохновениями, которому за стихи в защиту „прав народа“ отрезали язык и руки, который хочет писать стихи и не может управиться с пером, который силится импровизировать поэму и издает только пронзительное мычание. Эта выдумка имела большой успех как идея новая, очень жестокая, отличная <...>. Но скоро другие распилили человека надвое, третьи содрали с него кожу, четвертые повесили его за ноги, и „Изувеченный“ г. Сентина был помрачен изящнейшими картинами страданий, оставлен, забыт» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. Отд. VI. Литературная летопись. С. 5–6).

стью.²¹ Вместе с тем рассказ Бурмина заставляет видеть в совершившемся и до времени неясную для героя волю некоей высшей силы.²² В отличие от Бурмина, действия Брамбеуса определяются лишь одним, главным его свойством — необыкновенным женолюбием. Просматривая в начале повествования свои недавние дневниковые записи, Барон приводит ряд лаконичных единообразных заметок: «Парма. Я приехал сюда 15 октября и в тот же вечер влюбился в дочь моего трактирщика. <...> Флоренция. <...> Какое множество прекрасных женщин! Какие глаза!.. Я влюблен в половину города... <...> 19 декабря. <...> я получил записку в розовой бумаге от моей прелестной болоньезки <...>. 20 декабря. Я счастлив!.. и проч. 21 декабря. Я ранен кинжалом в бок, и проч. ...» (с. 268–269).

Продолжая чтение, Барон натывается на неожиданную для себя самого запись, впервые прямо намекающую читателю на сходство его похождения с историей Бурмина: «2 марта. Я женился, в двух станциях от Неаполя, на божественной синьоре Патапуччи... — Черт побери!.. *Русские всегда женятся, не доехав до последней станции*» (с. 270).

Смысл этого странного суждения Брамбеуса об отечественных не то традициях, не то чудачествах проясняет его сопоставление с рассказом пушкинского героя: «В начале 1812 года <...> я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная мятель... <...> отъехал от церкви, <я> заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции».²³ Несомненно, перед нами интертекстуальный сигнал, указывающий на пушкинский претекст истории женитьбы Барона. Именно сопоставление с ним позволяет интерпретировать скрытый смысл рамочного сюжета Сенковского.

Своему неожиданному браку Бурмин поначалу не придает никакого значения: «...не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я <...> мало полагал важности в преступной моей проказе».²⁴

В случае Брамбеуса подобное беспамятство доводится Сенковским до предела: «Как же это случилось, — спросил я самого себя, — что я забыл о своей женитьбе?.. Оно, однако ж, должно быть так, что я женился: я вел свои путевые записки с чрезвычайной аккуратностью!.. Только синьора Патапуччи названа здесь божественною?.. Это никак описка. Или она в то время казалась мне такою?..» (с. 270).²⁵

Подобно герою «Метели», Барон в скором времени покинул супругу и, позабыв о ней, отправился на прогулку в окрестности Этны, где и провалился в земные недра²⁶ от пинка ревнивого шведа — поклонника очаровательной Джульетты, очередного объекта притязаний любвеобильного Брамбеуса.

Почти трехлетнее пребывание Барона в глубинах планеты (рассказ о нем и составляет основную часть «Сентиментального путешествия»²⁷) завершается так же внезапно, как и началось. Подхваченный потоком газов, он вылетает на поверхность земли и с непостижимой точностью попадает в карету с какой-то незнакомой дамой (вскоре выяснится, что это синьора Брамбеус) и ее спутником, толстым английским лордом, нечаянно раздавленным Бароном при падении и вслед за тем выброшенным им из коляски.²⁸

²¹ «Непонятная, непросительная ветреность...» (Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1938. Т. 8. Кн. 1. С. 86).

²² «...Непонятное беспокойство овладело мною; казалось, меня кто-то так и толкал» (Там же. С. 85).

²³ Там же. С. 85.

²⁴ Там же. С. 86. Курсив мой. — А. К.

²⁵ Ср. в рассказе Бурмина: «Девушку подняли. Она показалась мне недурна...» (Там же).

²⁶ В буквальном смысле «сквозь землю провалился!»

²⁷ Стоит отметить, что под землей Барон вновь женился и при этом столь же неожиданно, как и во время своей итальянской поездки (с. 358–359).

²⁸ «...Я воспылил нетерпением <...> вытащил за воротник своего усопшего предшественника, <...> выкинул его из коляски и сам занял его место» (с. 370).

В пушкинской повести случайно встретившиеся Марья Гавриловна и Бурмин проникаются друг к другу глубоким чувством, которое отягощает сознание невозможности этой любви. У Сенковского путешествующая итальянка и исторгнутый из земных глубин Барон немедленно начинают флиртовать: «Я <...> приметил, что <...> моя спутница, закрытая белою кисейною вуалью, тайно бросает на меня взгляды <...> Врожденные ее полу любезность и желание нравиться <...> преодолели в ней все прочие чувства. <...> Я счел это время удобным, чтоб ей отрекомендоваться.

— Я желал, сударыня, — сказал я робко и умильно, <...> извиниться перед вами, что имел несчастье раздавить в этой коляске... этого... этого... этого англичанина» (с. 372–373).

В отличие от «девственной Артемизы»²⁹ Марья Гавриловны, легкомысленная кокетка Сенковского проявляет поразительное безразличие к судьбе своего покойного спутника (он может быть рассмотрен как пародийный аналог Владимира Николаевича, устраненного с пути Бурмина самой судьбой) и мгновенно переключает внимание на его невольного убийцу: «— Нужды нет! — отвечала она равнодушно, <...> легонько кланяясь мне бочком. — Прошу не беспокоиться!

— Может статься, моим падением я помял почтенного вашего супруга?..

— Все равно!.. Оно почти не стоит того, чтоб говорить! <...> прошу, не женируйтесь из-за такой безделицы!» (с. 373).

Драматичное объяснение Марья Гавриловны и Бурмина, завершающееся раскрытием тяготящей их тайны и обоюдным узнаванием супругов, у Сенковского замечается подчеркнуто примитивным и пошлым диалогом героев: «Мне непременно хотелось сблизиться с моею спутницею. <...> Я увидел, что она вертится, хочет о чем-то спросить и не знает, с чего начать: она, очевидно, терзалась любопытством узнать, каким случаем попался я к ней в коляску и откуда. <...>

— Сударыня, я не скажу вам, ни каким чудом упал я в вашу коляску, ни кем заронен сюда, ни почему так страшно замаран!

— Ах, сделайте одолжение, скажите!.. — воскликнула она, быстро поворачиваясь ко мне. — У меня ум из головы вон. Я не постигаю, что такое это значит...

— Не скажу!.. Ей-ей, не скажу!.. <...>

— Заклинаю вас, не мучьте меня! Я умру, если не узнаю этой тайны.

— Умирайте; не скажу — хотя это очень, очень любопытно!

— Ах, какие вы жестокие!.. Итак, я отышусь с просьбою не к вам, но к вежливости благородно воспитанного мужчины. Надеюсь, что после этого воззвания вы не откажете даме в ее... — сказала она приятным голосом, который внезапно пресекла, чтобы, как будто ненарочно, откинуть вуаль, чтоб обнаружить моим взорам свежее, молодое, небесное лицо <...>. Я потерял ум и глаза и <...> в одно и то же время произнес два совсем различные восклицания — одно мысленно, раздавшееся в целом странстве моей души: „Ах, какая красавица!.. <...>“, — другое словесно, которое ударило в тимпан ее беленького, прозрачного уха и потрясло ее как бы электрическою искрою: „Мое почтение, синьора баронесса Брамбеус!..“

— Вы меня знаете? — спросила изумленная дама, услышав свое имя.

— Как не знать! — воскликнул я. — Я, кажется, имел счастье быть коротко знакомым с вами.

— Ваше лицо мне не чуждо, — сказала она с беспокойством и с некоторым напряжением любезности, — но я никак не вспомню, где мы виделись с вами. <...> — Да я синьор барон Брамбеус! — вскричал я, прерывая вежливое оправдание. — Я все тот же Брамбеус, к вашим услугам! Как же вы меня не узнали?..» (с. 375–377).

С пушкинскими героями читатель расстается в момент их соединения, движения навстречу друг другу: «— Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

²⁹ «Соседи <...> дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы» (*Пушкин А. С. Метель*. С. 83).

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...».³⁰

У Сенковского та же ситуация узнавания приводит к противоположному результату: раскрыв связывающую их тайну, ловелас и кокетка немедленно утрачивают интерес друг к другу: «Дама мигом закинула вуаль на лицо и оборотилась ко мне спиной. Я замолчал, и она не сказала ни слова» (с. 377).

Финал «Метели» имеет психологически многозначный, «недоговоренный» характер. О будущем героев повести читатель может лишь догадываться. В своей версии того же сюжета Сенковский предпочитает внести полную ясность в историю дальнейших отношений чудесно соединившихся супругов. Поэзия легкого флирта сменяется прозой семейной жизни — ревностью, ссорами, взаимными обвинениями... Баронесса жестоко мстит мужу и за то, что он когда-то покинул ее, и за то, что вернулся. По ее доносу Брамбеуса заключают в тюрьму, откуда он выходит только после развода, на котором настояла злопамятная итальянка.

Замечено, что манера, говоря словами Пушкина, «вышивания» «новых узоров» «по старой канве»³¹ была характерной чертой Сенковского-писателя.³² При этом соотносимость создаваемых им текстов со своими источниками далеко не всегда была очевидна для читателя. Подобно многим другим аллюзивным произведениям, рамочная история «Сентиментального путешествия на гору Этну» предполагала разные уровни восприятия. Внешне выглядящая как смешная история походов незадачливого волокиты, она имела игровой характер, была полна остроумных переключек с текстом пушкинской «Метели». Несомненно, одной из задач этого соотношения была литературная полемика. В критических отзывах, последовавших за выходом «Повестей Белкина», не раз отмечалось неправдоподобие содержания многих из них, в особенности же — именно «Метели». «...В повестях „Выстрел“, „Метель“ и „Барышня-крестьянка“ нет даже никакой вероятности, ни поэтической, ни романической, — писал, к примеру, «Московский телеграф». — Это фарсы, затянутые в корсет простоты без всякого милосердия».³³ «Вторая повесть («Метель». — А. К.) уж чересчур неправдоподобна, — отмечала «Северная пчела», откликаясь на второе издание цикла. — Прапорщик (кажется, прапорщик) подговаривает провинциалку бежать и обвенчаться. <...> В этой повести каждый шаг — неправдоподобие. Кто согласится жениться мимоездом, не зная, на ком? Как невеста могла не разглядеть своего жениха под венцом? Как свидетели его не узнали? Как священник ошибся? Но таких „как“ можно поставить тысячи при чтении „Метели“».³⁴

Казалось бы, предпринятое в «Фантастических путешествиях» пародийное переосмысление мотивов и сюжетов ряда пушкинских созданий свидетельствует о негативном отношении Сенковского к творчеству писателя. Однако в своих литературно-критических выступлениях он не раз говорит о Пушкине как о «великом поэте», обладателе «огромного, разнообразного и всегда необыкновенного поэтического дара»,³⁵ в рецензии на посмертное издание сочинений Пушкина называет его великим национальным поэтом, одним «из первых лирических поэтов нынешней Европы»,³⁶

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. Кн. 1. С. 50.

³² См. об этом, например: Крачковский И. Ю. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей О. И. Сенковского // Тр. Военного института иностранных языков. 1946. № 2. С. 5–28; Рифтин Б. Л. Русские переводы китайской литературы в XVIII — первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века: Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. С. 22–26.

³³ [Полевой Н. А.]. Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. // Московский телеграф. 1831. Ч. 42. № 22. С. 256.

³⁴ Р. М. [Строев В. М.]. «Повести, изданные Александром Пушкиным» // Северная пчела. 1834. 27 авг. № 192. С. 51–52.

³⁵ С. О. [Сенковский О. И.]. Новоселье. Книга вторая // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Отд. V. С. 31.

³⁶ [Сенковский О. И.]. Сочинения Александра Пушкина. Статья первая // Там же. 1840. Т. 39. Отд. V. С. 3.

в романе «Идеальная красавица» ставит Пушкина рядом с Байроном как равного ему гения.³⁷ Доброжелательно, а порой и восторженно отзывался Сенковский и о пушкинской прозе,³⁸ ценил Пушкина как историка.³⁹

Наряду с полемической составляющей, осуществленная в «Фантастических путешествиях Барона Брамбеуса» перелицовка пушкинских произведений должна быть воспринята и как проявление особого, важнейшего свойства мышления Сенковского-художника — его обостренной чуткости к комическому потенциалу любых, в том числе и самых серьезных тем и сюжетов.⁴⁰ Его собственным созданиям часто присуща своего рода амбивалентность. Так, в своеобразной фантастической дилогии о любви за гробом он вначале разрабатывает эту романтическую тему в мистической повести «Любовь и смерть. *Ночное мечтание*» (1834),⁴¹ а затем травестирует ее в гротескных «Записках домового» (1835). Напротив, изобразив в «Поэтических путешествиях по белу-свету» (1833) смерть Дуду в зачумленном Константинополе в манере «черного юмора», писатель в «Турецкой цыганке» рисует аналогичное событие (возлюбленная героя-повествователя Меймене умерла в Одесском карантине от привезенной из Константинополя чумы) как трагическое. Иронически интерпретировав проблему несовместимости литературного успеха и личного счастья художника в «китайской» повести «Чин-Чун, или Авторская слава» (1834), Сенковский спустя несколько лет раскрывает ее драматизм в первой части романа «Идеальная красавица».⁴² Так возникали пары произведений, противоположным, на первый взгляд, образом представляющих одно и то же предметно-тематическое содержание, но в действительности не отрицающих, а дополняющих друг друга. Аналогичным образом дело обстояло и в «Фантастических путешествиях», где пушкинские претексты юмористически варьировались, обретая своих травестиальных двойников.

³⁷ Там же. 1841. Т. 49. Отд. I. С. 174.

³⁸ См., например, его известное письмо к Пушкину от января — начала февраля 1834 года, посвященное первым главам «Пиковой дамы» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 109–111, 321–322).

³⁹ [Сенковский О. И.]. «История пугачевского бунта» // Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. V. С. 21–38.

⁴⁰ «...Шутка — болезнь его, страсть его, — с раздражением писал Н. А. Полевой о «страсти» Сенковского шутить. — Читая „Библиотеку“, уверяетесь, что ему недоступны другие страсти и ощущения — он бесстрастен и беспристрастен, пока не вздумает шутить, а, к несчастью, он только о том, по-видимому, и думает. <...> Библиография „Библиотеки“ для чтения — беспрерывная шутка. Редактору надобности нет, какова книга, хороша ли, дурна ли она — он смотрит только, смешна ли она?» (Полевой Н. Очерк русской литературы за 1837 год // Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. Отд. IV. С. 64. Курсив Полевого. — А. К.).

⁴¹ Об автобиографичности этой повести см.: Каверин В. Барон Брамбеус. С. 98, 238–239; Новиков А. Е. «Любовь и смерть» барона Брамбеуса (Факты биографии О. И. Сенковского и их творческое переосмысление) // Документальное и художественное в литературном произведении: Межвузовский сб. науч. тр. Иваново, 1994. С. 48–61.

⁴² Примечательно, что, разрабатывая в этом романе тему конфликта писателя и светского общества, к которому он принадлежит по рождению, Сенковский подробно развивает мотивы и ситуации, лаконично намеченные в двух пушкинских произведениях — незавершенной повести «Египетские ночи» и отрывке «Несмотря на великие преимущества...», которые могли стать известными ему по их публикации в журнале «Современник» (1837). «Тема отношений Пушкина и Сенковского чрезвычайно интересна и требует особого исследования, — отмечает А. В. Шаронова. — <...> несмотря на ряд выпадов, связанных с намерением Пушкина издавать „Современник“, а отчасти и в связи с ними, можно сказать, что Сенковский относился к нему с большим уважением и осторожностью, не только как к потенциальному автору, но прежде всего как к личности. Кроме того, было бы интересно проследить ряд совпадений в их взглядах и оценках, в том числе и литературных явлений, а также проанализировать совершенно пушкинские фрагменты в прозе Сенковского» (Шаронова А. В. К проблеме взаимоотношений редактора и авторов «Библиотеки для чтения» // Русская литература. 2000. № 3. С. 94).